

Л. Фандеева

Если бы не ты...

Из серии: «Семейные узы»

16+

Лилия Фандеева

Если бы не ты...

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Фандеева Л.

Если бы не ты... / Л. Фандеева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-05186-7

Первая любовь - чувство настолько сильное, что не забывается спустя годы. Она вспыхивает как яркая звезда и иногда затухает. Но кто сказал, что она погасла совсем? Почему её следует оставить, не дать возможности возродиться и стать для двоих путеводной?

ISBN 978-5-532-05186-7

© Фандеева Л., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Пролог

Проснувшись раньше звонка будильника, девушка стояла у открытого окна и смотрела на рассвет. Небо на востоке начинало обретать лёгкий персиковый оттенок, словно пушистым одеялом окутывая восходящее солнце. «Утро! Рождается новый день! Что может быть прекраснее? Я искренне порадовалась бы новому дню, ласковым лучикам, нежному свету солнца, если бы ни эти два «но», которые мне обязательно нужно сегодня решить, – думала Милана, присаживаясь на подоконник. – Вот и получается, что на самом деле утро – это далеко не самое приятное время суток, если все твои мысли, где-то между полуднем и вечером. Сегодня пятница, девятое июня две тысячи шестого года. Я почти не готова к сдаче экзамена, и совсем не готова к встрече с доктором Затонским. Зачем я это делаю? Не знаю! Я прочитала письмо мамы после её похорон и не думала раскрывать кому-либо её сомнения или тайну. Но после сороковин, всё перевернулось в моей голове. Я не только приоткрыла для себя завесу этой тайны, но и узнала о страшной болезни молодого парня. Как мне правильно поступить? С одной стороны – я внесу смуту в семью, не зная, как воспримут и чем закончится некая правда. С другой стороны – только я могу попытаться помочь и, возможно, не допущу трагедии. Ладно. Как бы там ни было, экзамен я смогу и пересдать, лишившись при этом стипендии. Она такая, что горевать особо не приходится. А вот встречу с доктором отменять нельзя. Я никогда не думала о том, что кому-то понадобится моя группа крови и не была донором. Как вообще меня примет Затонский? Захочет ли слушать и понять бред, который я буду нести? Ладно, скажу, как смогу. Кто сказал, что чудес не бывает?»

Милана приняла душ, включила чайник и сделала бутерброд. Она уже месяц жила в съёмной квартире в десяти минутах ходьбы от университета. Это было одно из её условий отцу. После похорон матери, она откровенно поговорила с ним и поставила два условия. «Пап, я понимаю, не маленькая, что жизнь продолжается, но дай мне время. Не приводи Свету в дом до девяти дней и сними мне на месяц квартиру. Мама знала о вас. У меня к вам нет претензий. Свету я знаю с самого детства, но мне к этой мысли нужно как-то привыкнуть. Пойми», – говорила она. Отец снял квартиру. Милана, перевезя часть вещей, перебралась в город. Теперь она могла не появляться в доме отца за городом, в котором прожила счастливые три года семьей. Она приезжала только по необходимости и только в будний день, когда Светлана и отец были на работе. Милана не испытывала неприязни к мачехе, которая была ей крёстной мамой, однокурсницей и подругой матери, а теперь и отца, вспоминая строки из письма мамы. Запретить кого-то любить нельзя.

Милана Тихонова экзамен сдала больше чем на «хорошо». Она была успевающей студенткой и зимнюю сессию сдала на «отлично». Выйдя из аудитории, Милана увидела Павла Антонова, стоявшего у окна. Друг детства и юности второй месяц навязчиво пытался «скрасить» её одиночество, узнав о том, что Тихонова рассталась со своим бывшим парнем, выпускником университета, с которым дружила два года.

– Привет! Как экзамен? Стоил он моей вчерашней отставки? – спросил он, обнимая её за плечи и целуя в щеку. – Едем к тебе на квартиру обмывать переход на четвёртый курс? Еще один год и диплом в кармане.

– Паш, мне нужно заехать в одно место и это не обсуждается, – ответила Милана. – Можешь подвезти?

– Куда на этот раз? – недовольно спросил он.

– В клинику, – она назвала адрес. – Если нет времени, можешь не ждать. Чем вчера занимался? Как вообще сдал экзамен?

– К экзамену готовился, получил семьдесят пять баллов, – с усмешкой сказал он, открывая перед ней двери авто. – Мне, Лана, в отличие от тебя, есть чем заняться и без экзаменов. – Он занял водительское место и выехал со стоянки. – Что у тебя за дела в клинике?

– Вернусь, возможно, расскажу, но не сейчас, – задумчиво сказала девушка. – Паш, у тебя вода есть? В горле пересохло.

– Посмотри в кармане чехла за моей спиной, – ответил он.

Милана развернулась назад, насколько позволял ремень безопасности, протянула руку за сидение водителя и опешила. На полу у заднего сидения лежали женские трусики, упаковки от презервативов и использованные смятые салфетки.

– Что-то мне пить расхотелось. Останови здесь, – попросила она. – И наведи в машине порядок, прежде чем напрашиваться в гости. Скажи, это забывчивость или демонстрация сексуальности?

Павел притормозил у обочины, оглянулся, посмотрел назад и невозмутимо пожал плечами.

– А ты думала, я буду ждать тебя, пока ты решишь все свои проблемы, которым не видно конца? – спросил он с каким-то укором. – Ты находишь время для всех, кроме меня. Думаешь, я совсем глупый и не понимаю, что ты меня просто «бортуешь»?

– Антонов, я вообще о тебе не думала, – открывая дверь, говорила Милана. – Я случайно услышала и знала о твоём пари с Егором. Ты за этим напрашивался ко мне в гости? Для Егора пари вышло выигрышным, но, в целом, вы оба идиоты. Я хотела понять, что в тебе есть такого, что от тебя у девочек крышу сносит?

– Поняла? – усмехнувшись, спросил он. – И какой результат?

– Я поняла, что ты обычный мажор. Когда ты стал таким? – с недоумением спросила Милана. – Что-то я пропустила за крайние два года.

– Ты сама не из золотой молодёжи? – усмехнувшись, спросил он. – Хотя, о чём я? У тебя в друзьях ходит «бюджетный вариант», кроме Полинки.

– Скажем – из бронзовой. Я никогда бы не воспользовалась непростой ситуацией, в которую попал человек. Ты, Паш, не просто мажор, ты урод бездушный, – обижено сказала Милана.

– Что же ты так долго терпела мое уродство? Объясни, – с вызовом задал вопрос Павел. – Хотела иметь запасной аэродром?

– Дурак ты, Пашка. Мы в последние годы мало общаемся, и я не ожидала, что ты так мог измениться. Сначала думала, что ты меня искренне хочешь поддержать в непростой ситуации, а пари просто повод. Ну, так бывает, когда человек хочет помочь другому, но при этом остаться незамеченным. Чуть позже, мне уже было не до тебя, а еще позднее – ждала, когда ты сам откажешься от своей затеи, но не дождалась, – говорила Милана, глядя на Павла. – Ты считаешь, что я тебе что-то должна? Почему ты так уверен в своей неотразимости и сексуальности? Ты решил, что я, расставшись с Егором, захочу переспать с тобой? Ты ради спортивного интереса решил повторить попытку? Тебе было семнадцать, теперь двадцать, но ты не поумнел, Пашка. Или вынашивал всё это время обиду за уязвленное самолюбие? Ты не можешь не понимать, что дружба и влюбленность, разные вещи. Мы дружим с тобой лет пятнадцать, но это далеко не те чувства, которые я испытывала к Егору. Скажи честно, чего ты добиваешься?

– Дура ты, Тихонова. Если бы дело было только в пари, я давно нашёл хороший способ затащить тебя в кровать. Напоить, обмануть, взять насильно, много чего можно придумать. Только за три года ты изменилась не только внешне, ты стала другой. Меня тянет к тебе и не только для секса. В этом деле у меня не бывает простое. Чем я хуже Егора? – с вызовом спросил Павел.

– А чем лучше? Ты собирался меня морально поддержать в постели – это я поняла. Мы с Егором расстались, и пари можно было не продолжать. Глупый ты, Пашка. Я не занимаюсь любовью ради любопытства или интереса, – сказала она, выходя из машины. – Боюсь, что с

таким отношением, наша дружба может скоро закончиться. Передай вместе с выигрышем привет Егору.

Милана добралась до клиники на такси и попала на приём к доктору Затонскому в назначенный час, который понравился ей сразу. Что-то в его внешности вызывало не только симпатию, но и доверие. Это был молодой человек до тридцати лет с правильными чертами лица, греческим носом, короткой стрижкой темных волос и синими глазами. Судя по пропорциям тела, он не встал со стула, рост его мог быть от метра восьмидесяти до двух. Доктор гематолог видел, что девушка волнуется и готов был помочь, если это в его силах.

– Ваша фамилия Тихонова? – спросил он. – Что Вас беспокоит и где карточка, анализы, документы?

– Сергей Ильич, у меня к Вам необычный разговор и просьба. Я знаю, что у Вас лежит на лечении Тихомиров Руслан. Я знаю, что такое врачебная тайна и не прошу мне её раскрывать. Я прошу у Вас совсем немного: давайте вместе попробуем ему помочь. Что для этого нужно?

– Руслану требуется пересадка. Отправлять его в Москву или за границу бессмысленно. С его группой крови и резус фактором нужен редкий донор, а таких пока нет. Когда пересадку костного мозга начнут заменять стволовыми клетками из периферийной крови, будет больше шансов. Но это всё в обозримом будущем. Вы ему кто? Как Вы о нём узнали?

– Полтора месяца назад моя мама умерла от онкологии. Мои родители и отец Тихомирова Руслана учились вместе в институте. Я слышала на поминках разговор его отца с моим папой. Сергей Ильич, пожалуйста, возьмите у меня все возможные анализы. Если я подойду – расскажу Вам обо всем и всё, а если нет – пусть всё останется в секрете. Мне двадцать лет, я студентка, местная, здоровая. Что скажете?

– Что я могу сказать? Давайте попробуем. Завтра приходите к восьми часам, и займёмся Вашими анализами. Шансы невелики, но попробовать стоит. Вы меня заинтриговали.

– Попробовать нужно обязательно. Что-то мне подсказывает, что я могу помочь. Прошу Вас не говорить ничего и ни кому пока не будет результатов.

– Видите ли, Милана, как правило, неродственные доноры всегда остаются «в тени». Это своего рода страховка от шантажа родственников реципиента. А Вы пришли помочь конкретному человеку, но при этом хотите остаться неизвестной, – говорил доктор Затонский. – Что Вами движет? Вы знаете, что можете не получить ничего за свой порыв? Я говорю о деньгах.

– Я о них не думаю. Я «покопалась» в интернете и знаю, что донорство дело добровольное, что сама процедура не опасна. Вы мне расскажете об этом, но после результатов. Договорились? Встретимся завтра в восемь утра. Всего доброго.

Глава 1

Абитуриенты местного университета познакомились на вступительных экзаменах, а подружились, будучи студентами в сентябре восемьдесят первого года. Уже через год «великолепная» шестерка разделилась по парам: Антонов и Гаврилова, Тихомиров и Илюхина, Тихонов и Баева. В начале пятого курса Анатолий Антонов и Елена Гаврилова поженились, а Алексей Тихомиров и Наталья Илюхина расстались. Алёшка был тот еще «ходок», а Наташа всё время находила ему оправдания. Последней каплей в чаше её терпения оказалась студентка третьего курса. Наташа встретила её в таком месте, где слова оправдания «не работают». Она пришла в женскую консультацию на приём, где встретила маму Леонида Тихонова, работающую здесь доктором, и получила подтверждение беременности в четыре-пять недель. Уже на выходе она увидела Алексея с девушкой, и они ссорились. Визит в женскую консультацию почти всегда происходит по одной причине. Наташа вернулась домой расстроенной и подавленной. Она не так болезненно восприняла предстоящий неизбежный разрыв с Алексеем, как приговор врача. Ей нельзя было делать аборт. «Хорошо встретили Новый год, – думала она. – Папа и мама меня поймут. Я успею сдать экзамены и получить диплом. Как мне поступить с Тихомировым? Месяца через три, беременность уже будет не скрыть. Пожалуй, я подожду и расстанусь с ним мирно». Через неделю между Наташей и Леонидом Тихоновым произошёл разговор, который изменил жизнь не только их, но и друзей.

– Наташка, что произошло между тобой и Тихомировым? – спросил Тихонов. – Вы с Лёхой расстались?

– Мы с Лёхой плывем разными курсами, и у нас теперь нет общего порта причаливания. Вопросы еще есть? – не глядя на Тихонова, сказала Илюхина.

– Есть и ни один, – ответил Леонид, не обращая особого внимания на ее тон.

– Валяй! – равнодушно ответила Наташа. – Особо не надейся, что все мои ответы будут правдивыми.

– Скажи честно, я тебе совсем не нравлюсь?

– Лёнь, мы дружим почти пять лет. Ты хороший друг.

– Ты, Илюхина, от ответа не уходи. Почему ты в своё время выбрала Тихомирова, а не меня? Так, вопрос звучит конкретнее? – настаивал Тихонов.

– Какой вопрос, такой и ответ. Вы мне оба нравились. Лёшка был решительнее и настойчивее, ухаживал красиво, – ответила Наташа, вспоминая события прошедших лет. – Теперь я знаю, что он совсем не герой моего романа, а тогда вскружил голову. Ты хочешь меня пожалеть?

– Я хочу на тебе жениться. Я тебя люблю, – выпалил Леонид.

– А ты спросил, хочу ли я этого? Ты хочешь скрасить моё одиночество? А как же Света?

– Мы с Баевой никогда не были близки. Я знаю о том, что ты беременная и уже сказал своим родителям, что ребёнок мой. Ты попробуй доказать обратное. Мне остаётся сообщить об этом твоим родителям и сделать тебе предложение.

– Тихонов, ты нормальный? Тебе это зачем? Тебе обо всём рассказала мать? – удивлённо спрашивала Наташа. – Я никогда не приму такой жертвы.

– А кто тебе сказал, что я жертва? Аборт я тебе сделать не позволю. О твоём положении мне доложила мама. Жить мы после регистрации будем вместе, а время, для принятия меня в качестве мужа, я тебе дам. Если твоё отношение ко мне через год не изменится – разведёмся. Сегодня двадцать первое января. Завтра мы пойдем в загс, в марте регистрируемся, выходим на диплом, сдаем государственные экзамены. Что тебе в моём предложении не нравится? – вопросительно смотрел Леонид на Наталью.

– Мне не нравится ВСЁ. Почему, а главное зачем, ты вдруг всё решил за меня? – сердито спрашивала Наташа.

– Считай, что я воспользовался моментом. Я тебя слишком люблю, чтобы упустить тот единственный шанс, который у меня появился. Я отступлю только в том случае, если ты сама решишь вернуться к Тихомирову и, если я тебе настолько неприятен в своей откровенности. Слово за тобой. Подумай.

Наташа Илюхина подумала. Леонид Тихонов нравился ей всегда. Он не уступал Алексею ни во внешности, ни в остальном. Просто Леня был тихим романтиком, а Лёшка – нарцисс сияющий. Почему она выбрала Тихомирова, а не Тихонова оставалось для всех загадкой. Первого марта восемьдесят шестого года состоялась регистрация, и Наташа стала Тихоновой. В июне этого же года они получили дипломы об окончании университета. Двадцать седьмого сентября в семье родилась дочь, которую назвали Миланой. «Она такая маленькая и миленькая – пусть будет Миланой», – говорил счастливый отец. Чуть раньше в семье Антоновых родился сын Павел. Семьи Антоновых и Тихоновых после рождения детей ещё больше сдружились. Алексей Тихомиров пропал из поля зрения друзей лет на десять, а Светлана Баева продолжала дружить с семьёй Тихоновых и была крёстной матерью подросшей Миланы.

У Миланы были дедушка и бабушка со стороны матери и отца, но тянулась она больше к Илюхиным старшим. Мария Васильевна была проще и понятнее для Миланы, чем Антонина Степановна. Да и Николай Никитич больше занимался внучкой, чем Михаил Васильевич. Илюхины могли выслушать Милану, посоветовать, подсказать, попросить, научить, а Тихоновы часто выказывали недовольство по разным причинам и хотели видеть в лице Миланы образцовую внучку.

Милана полностью соответствовала своему имени. Она не была красавицей, но была очень миловидной девушкой. Тёмная шатенка с синими глазами привлекала взгляды многих. При росте до ста семидесяти сантиметров и весе в шестьдесят килограммов, она была подвижной без всяких дополнительных физических нагрузок. Она хорошо водила машину, плавала, каталась на коньках и роликах, и даже целый год посещала регулярно секцию самообороны. Иногда с грустью вспоминала, что в своё время бросила танцы и музыкальную школу. Она очень быстро загоралась идеей научиться тому и другому, но её хватало на год-два, и интерес пропадал. Родители не настаивали и давали свободу выбора. Первое время у неё были проблемы в школе с английским языком. Школа была с углубленным изучением языка, и пришлось заниматься с репетитором. Это помогло ей сдать английский в одиннадцатом классе на «отлично». ЕГЭ она сдала без особых проблем и поступила на экономический факультет в университет, где раньше учились ее родители. Милана была доброй, нежной и дипломатичной. С ней было интересно общаться, она умела выслушать собеседника и дать практичный совет. Но, в тоже время предпочитала держать людей на расстоянии. Много времени и внимания уделяла своей внешности, следила за модой и одевалась стильно и со вкусом. При этом вещей было немного. Они менялись только тогда, когда вышедшие из моды были «реализованы». Она была романтической натурой, постоянно находилась в поиске новых впечатлений, обстановки и людей. Умела поднимать настроение, завести душевную беседу и поддержать близких людей в сложный момент жизни. Милана, или как её называли домашние Лана, благодаря урокам бабушки, вкусно готовила, любила принимать гостей. Были у неё и отрицательные черты характера: нетерпимость и требовательность к окружающим. Это, при всех достоинствах, не мешало ей жить. Близких друзей, кроме детей Антоновых, она не заводила, а одноклассники и однокурсники были её приятелями.

С Павлом и Полиной Антоновыми Милана дружила с раннего детства. Павел поступил после школы в университет, но учился на коммерческой основе на одном факультете с Миланой, а Полине оставался еще год обучения в школе. Теперь обе семьи жили за городом в десяти минутах езды друг от друга. Бизнес Тихоновых был меньше, и дом выглядел скромнее. Анто-

новы поднялись с помощью отца Елены, который не столько хотел помочь зятю, сколько обеспечить дочь и внуков. Две семьи отмечали в доме Антоновых поступление детей в университет, когда Павел поцеловал Милану в своей комнате. Она еле освободилась из его объятий.

– С ума сошёл? – вытирая губы тыльной стороной ладони, еле переводя дух, спросила Милана. – Может, и под юбку полезешь?

– Полезу! – подталкивая её к кровати, сказал он.

– Не подходи, – прошептала Милана.

– Кричать ты не будешь, постесняешься, – говорил Павел. – Скажи ещё, что ты этого не хочешь. Ланка, ну что ты как не родная. Я тебя очень хочу. Ты сегодня такая соблазнительная. Чего ты упрямисься? Нас родители уже давно поженили.

– Значит так, жених, или ты приходишь в себя и открываешь дверь, или я устраиваю в твоей комнате погром. Объяснять будешь всё и всем сам, – говорила она, беря с тумбочки тяжелый светильник. – Ну!

– Не нукай. Можно подумать я у тебя первый, – говорил он, поворачивая ключ в замке.

– А ты не думай. Ты не будешь даже десятым, придурок. Часто ты практикуешь секс при наличии гостей? Извиниться не хочешь? – спрашивала Милана, ставя на место светильник.

– Извини. Мне казалось ты не против тесного общения, мы же дружим.

– Крестись, когда, кажется. Еще одна подобная выходка и нашей дружбе придёт конец. Ты вообще подумал, чем может обернуться это твое «хочу»? Я тебе повод дала? С чего ты ко мне воспылал? – сердилась искренне Милана.

– Ладно, забудь и иди вниз к нашим, – сказал он, упав на кровать. Это у семнадцатилетнего Павла был первый случай поражения, и его следовало пережить.

Милана познакомилась с Егором Ланским на вечере посвящения в студенты. Егор учился на третьем курсе юрфака, и ему было двадцать лет. Это был шатен с серо-голубыми глазами. Правда, на ярком солнце его стрижка слегка отдавала рыжиной. Стройный, подтянутый, где-то даже с военной выправкой молодой человек, сразу понравился неискушённой девушке. Милане в сентябре исполнилось только семнадцать, и она была самой юной на курсе студенткой. Познакомиться познакомились, но встречаться стали только после зимней сессии. Милана не могла себе позволить «навязываться», а Егор не мог решиться сделать шаг первым, наблюдая, как рядом с девушкой всё время находится Павел Антонов. Милана и Павел продолжали дружить, но теперь она уже не доверяла Павлу своих тайн.

Павел отмечал своё восемнадцатилетие второго апреля в клубе. Милана знала, что родители в гостях у Антоновых. Подъехав к своему дому и заметив отсутствие света, она пригласила Егора в гости. Их поцелуй закончился близостью в её комнате.

– Милана, что с тобой? Что-то не так? – смущённо спросил Егор.

– Я думала, ЭТО бывает как-то иначе. Ты как будто спешил и укладывался в отведённые рамки времени, – смущённо ответила она.

– Прости. Я виноват. Меня так удивило и одновременно подстегнуло одно обстоятельство, что я уже себя не контролировал. Я исправлю свою поспешность, и ты узнаешь, как это бывает, но в следующий раз, а сегодня, для тебя повторение будет лишним, – целуя её, говорил Егор.

Он пригласил Милану к себе домой и «показал», как это бывает, устроив ей романтический ужин при свечах. Теперь она знала, что секс с Егором нечто необычное. Через пять месяцев Милане исполнилось восемнадцать лет. Отношения между ними оставались близкими. Он бывал в доме у Тихоновых, она бывала в квартире Ланских. Егор относился к ней с теплотой и нежностью, и Милане казалось, что она нашла свою любовь.

Наталья Тихонова заболела осенью две тысячи пятого года. Теперь времени для Егора стало не хватать. Из университета она ехала в больницу, возвращалась домой, чтобы приготовить ужин отцу. Перед Новым две тысячи шестым годом, Наталью выписали из больницы

домой. В дом Тихоновых переехала её мама, бабушка Миланы. Наталья проводила месяц в больнице, месяц дома. Болезнь развивалась быстро. Химиотерапия результатов почти не дала, а оперировать было поздно. Милана очень изменилась за время болезни матери. Отец её еле уговорил поехать с Егором на пару часов и поздравить Павла с двадцатилетием. Милана поехала не ради себя, а ради Егора. Он оканчивал университет и умудрялся готовиться и к защите, и успевал поддерживать её и помогать ей. Прошло около часа с тех пор, как они с Егором приехали в клуб. Настроение Миланы не принимало веселья. Решение поехать домой, уйдя по-английски, пришло внезапно. Лишь в последний момент перед вызовом такси, она передумала уезжать без Егора. Возвращаясь к своему столику, она услышала знакомые голоса у стойки бара и замерла за колонной в полутьме зала.

– Вы с Миланой поссорились? – услышала она голос Павла.

– С чего ты взял? У неё сейчас трудный период. Мы с отцом еле уговорили её прийти сюда, – ответил Егор.

– Здесь что-то другое. Милана мне давно нравится, я её с детства знаю. Может она тебя разлюбила? Если отобью, обид не будет? Хочешь, проверим? – спросил Павел.

– Зачем? У нас с ней нет секретов. Говоришь, что знаешь её, а забываешь, что она не умеет врать. Просто так я тебе Милану не отдам, если только она сама не примет такое решение, – ответил Егор. – К чему ты затеял этот разговор? Хочешь меня подставить?

– Ты сам с этим справляешься. Хотел бы подставить, давно бы познакомил её с Викой. Я уведу у тебя милую Милану. До конца курса она будет со мной. На пятьдесят штук спорим.

– Ты себе льстишь, Паш. Не делай глупостей. Тебе двадцать, а не двенадцать. Думай головой. Милана моя девушка и спорить я с тобой не буду, – ответил сердито Егор. – Хочешь в качестве подарка получить в морду? – спросил он, выпивая очередную порцию и направляясь на танцпол.

Минут через десять Милана наблюдала «красивую картину». Егор уже танцевал с девушкой так, как будто они в зале были одни.

– Хороша парочка? – спросил знакомый голос. – Ты для этого вернулась? Любишься! В этом зале я один непутёвый, отвергнутый и оскорблённый, – злорадствовал Павел.

– Да пошли вы оба далеко и надолго, – ответила Милана.

Она села в такси и поехала домой. «Павел знает больше, чем говорит, – думала она. – Это пари он предложил не случайно. Егор отказался на словах, а не успела я уйти, нашел себе утешение. Что теперь делать мне? – думала Милана, прислонившись головой к стеклу. – Пашка то же хорош! Нашел время подбивать клинья, идиот. Самовлюбленный павлин. Я тебе это припомню. Вряд ли ты не скажешь Егору о моём возвращении. А Егор? Он устал от моих бесконечных проблем, но простить то, чему была свидетелем я не смогу».

В понедельник у университета перед началом занятий Милану ждал Егор.

– Привет! – сказал он, пытаясь поцеловать ее в щёку.

– Привет, – уворачиваясь от него, ответила Милана. – У тебя же нет занятий. Что-то случилось?

– Милана, всё, что ты видела – несерьёзно. Это ни то, о чём ты думаешь, – говорил он. – Как-то навалилось всё сразу. Прости.

– Егор, я вообще о тебе больше не думаю. У меня нет на это ни времени, ни желания. Пусть о тебе теперь думают те, на кого ты меня променял. К тебе у меня нет претензий. Видимо, в горе и радости не наш случай. Ты устал, и я тебя отпускаю без обиды.

– Милана, ну перебрал я немного. Извини. Ты своему другу Павлу не особо доверяй.

– Антонов не мой формат. К тому же я его слишком хорошо знаю, чтобы слепо верить. Извини, Егор, но разговора больше не будет. Мне нечего тебе сказать. Я и тебе больше не верю. Прощай. Удачи тебе, – сказала Милана. Слёзы готовы были брызнуть из глаз, но помешала

вчерашняя картина, которая стояла перед ними. Она горько усмехнулась. Испытания для неё только начинались.

Наталью Тихонову выписали из больницы двадцать четвертого апреля. Это Милана настояла на выписке мамы домой.

«Раз вы уже ни чем не можете ей помочь, пусть она будет дома в привычной для неё обстановке», – сказала она доктору. Теперь Милана старалась проводить рядом с мамой всё своё время. Наталья Николаевна Тихонова умерла в ночь с двадцать восьмого на двадцать девятое апреля. Когда ты точно знаешь, что смерть ходит где-то рядом, ты всё равно не готов принять её визит и подсознательно ждёшь его отсрочки. Уже утром приехали работники похоронного бюро и увезли гроб с телом в траурный зал. Кроме родителей отца и матери Миланы и друзей, в доме появились чужие люди. Она поднялась наверх в свою комнату. Истерики не было. Внутри было холодно и пусто. Милана упала на кровать и тихо лежала без слёз, уткнувшись в подушку. «Я с тобой, – услышала она голос Егора, который присел рядом и взял её за руку. – Светлана Владимировна просила тебя выпить это, – он протянул ей стакан с водой и таблетку. – Тебе нужно отдохнуть». Милана молча, взяла воду и таблетку, не глядя на Егора, а выпив, поставила стакан на стол и прикрыла глаза. Она проспала до семи вечера, и всё это время Егор находился рядом. Приведя себя в порядок, Милана спустилась вниз. Светлана и бабушка Тоня возились на кухне. Она прошла в родительскую комнату, где отдыхала бабушка Мария.

– Бабуля, ты как? – спросила она, беря бабушку за руку.

– Держусь, девочка моя. Завтра трудный день, – ответила бабушка. – Это неправильно, когда дети уходят раньше родителей.

– Хочешь, я поживу, какое-то время, с вами? – предложила Милана. – Со мной вам будет не так одиноко, – целуя бабушку, добавила она.

– Тебе от нас добираться ещё дольше, чем отсюда. Мы с дедом справимся. Будем думать, что Наташенька уехала в командировку, как десять лет назад. Егор твой где?

– В гостинной. Я его приходу не рада. Что-то сломалось у меня внутри. Я ему, бабуля, не верю, – сказала Милана с грустью.

– Ты, Лана, не руби с плеча. У тебя сейчас трудный период в жизни. Возьми паузу, а позже разберёшься в своих чувствах. Время всё расставит по своим местам, не спеши, внученька. Егор хороший парень. Верить или не верить ему – это твоё дело, ты его, прежде всего, пойми.

Милана плохо помнила и сами похороны, и поминки, но всё время чувствовала рядом с собой присутствие Егора. Уже через день после похорон она поговорила с отцом, прочитав оставленное мамой письмо, но, не сказав ему об этом.

– Пап, мне в сентябре будет двадцать, я взрослая и многое понимаю. У меня не будет к тебе претензий, если ты сделаешь всего два дела. Я тебя очень прошу, пусть тётя Света не приходит к нам в дом до девяти дней, а потом может переехать, – просила она, глядя отцу в глаза. – Не надо на меня так смотреть. Я тебя очень люблю, и ты имеешь право быть счастливым. Но ты должен снять мне квартиру до конца учебного года. Я должна привыкнуть к переменам в нашей жизни.

– Зачем так радикально? Мы будем жить с тобой вдвоём. Что ещё тебе рассказала мама?

– Пап, это неправильно. Я знаю, что Света беременная. У неё возраст, и матери твоего ребёнка нужны положительные эмоции. Я не из вредности установила этот срок. Я думаю о ней и малыше, об их здоровье. Я была у Отца Павла. Это он мне посоветовал. Мама просила вас не разлучать, да и мне Света не чужая. Вы оба мне близкие люди и вам всего по сорок лет. Жизнь продолжается, папка. Я могу рассчитывать на квартиру?

– Раз ты считаешь, что это необходимо, я сделаю.

– Спасибо, пап. Я сдам летнюю сессию и вернусь домой, – сказала Милана, поцеловав отца, и поднялась в свою комнату. Она достала письмо матери, которое нашла после похорон в ящике её тумбочки и прочитала его в десятый раз.

«Милана, девочка моя дорогая, не суди обо мне строго, дочитав письмо до конца. Я прожила счастливую жизнь, хотя и недолгую. Я сделала всего одну ошибку в жизни, когда выбрала не того мужчину, обо всём остальном я не жалею. Наш папа знает, что ты ему не родная дочь, а вот о том, что я могу оказаться не твоей мамой, не знаю даже я. Лана, ты родилась в один день и час с девочкой, от которой мать отказалась. Роды у меня были тяжёлыми. Я была не в себе, когда узнала, что не смогу больше родить ребенка, но хорошо слышала разговор акушерки о том, что одна из вас не доживёт до утра. Была при этом подмена или её не было, я не знаю, но и «утопить» людей, которые искренне хотели помочь, одними догадками, я не могла. Я приняла всё, как должное. Отец обеих новорожденных девочек, а значит твой, Тихомиров Алексей. Так случилось, что именно по этой причине я с ним рассталась. Он привёл её на аборт, о чём просил и меня. Мать девочки звали Людмила Журавлёва. Это я узнала позже, когда слух об отказе от ребёнка уже гулял по отделению. Мы с папой любим тебя всем сердцем. Прости меня, родная моя девочка, если сможешь. Двадцать лет назад я приняла предложение папы и вышла за него замуж. Он сумел сделать меня счастливой, а я хочу, чтобы он и дальше был счастлив. Светлана любит его давно, и пусть она теперь подарит ему счастье. Жизнь продолжается. Прошу тебя, дочка, не разлучай их. Я хочу, мои родные, чтобы вы все были счастливыми. Егор хороший парень и ты будешь с ним счастлива, поверь. Я вас всех очень люблю. Не грустите и простите меня за всё, что было не так. Мама».

Милана сложила письмо и убрала его в ящик. «Папа не должен узнать о том, что я могу оказаться и не маминой. Это всего лишь догадки мамы. Для нее правда уже ничего не даст, а вот для дедушек и бабушек это будет если не ударом, то неприятным сюрпризом. Я не уверена, что они знают правду и об отце, – думала она с болью. – Мне двадцать лет, а я как маленькая. У меня была мама, есть отец и их родители. Это люди, которые меня искренно любят, а я их. Мне не нужна другая семья. Не нужно открывать ящик Пандоры. Кто знает, что за люди эти Тихомировы и Журавлёвы? Какое мне дело до них, если им не было дела до меня».

– Ты меня избегаешь? – спросил Егор, опуская сумку с вещами Миланы в прихожей съёмной квартиры. – Мы же с тобой помирились.

– Мы и не ссорились, Егор. Мы стали смотреть на наши отношения по-разному. Вернее, я стала смотреть на тебя иначе. Возможно, я не современная, и чего-то не догоняю, – говорила Милана. – Твои руки обнимают другую, твои губы так страстно целуют эту другую. Ты бы видел себя со стороны: так был увлечён, что готов был прямо там залезть ей под юбку. Извини, но я этого не могу принять. Мне без тебя плохо, я этого не скрываю, но с тобой мне еще хуже – это не просто ревность, это...

– Лана, я же извинился. Прости ты меня, – просил Егор.

– Ты скажи это моему сердцу. Простить я могу, а как быть с чувствами. Ты рядом, а я не испытываю к тебе ничего. Это разве нормально? Я не знаю, что для тебя лучше: остаться в квартире, как часть интерьера или уйти и дать мне время? Решай сам. Чтобы тебе меня лучше понять, представь меня рядом с Антоновым, который намеренно лезет ко мне под юбку.

– Я, пожалуй, пойду. Простить тебе Антонова я бы не смог. Это удар ниже пояса, – откровенно ответил Егор.

– Через месяц, сдав экзамены, я вернусь домой. Тебе тоже следует готовиться и получить диплом. Удачи.

– Я могу тебе звонить? – с надеждой спросил Егор.

– Звони. Будь уверен, что эта квартира мне нужна не для свиданий. Пока.

Месяц, прожитый Миланой в съёмной квартире, пролетел быстро. За это время самыми неприятными моментами, были три-четыре эпизода, когда Павел Антонов напрашивался к

ней в гости. Они встречались с ним на экзаменах. Милане приходилось на ходу выдумывать причину отказа. Она оказывалась в квартире старших Илюхиных или Тихоновых без звонка и внеурочно.

– Ты опять сбежала от Паши? – спрашивала бабушка Мария Васильевна. – Может, зря бегаешь? Егору дала отставку, Павла не признаёшь. Ты, часом, не перебираешь?

– Бабуля, Пашка так умело играет роль хорошего парня только для вас. Он давно вырос и изменился. Это избалованный эгоист. Я ему и не нужна, нужна еще одна победа на его счету, – говорила Милана. – Ты, думаешь, я, зная всё это, суну голову в петлю? Нет, бабуленька. Во-первых, он мне не симпатичен, а во-вторых, даже мои дружеские чувства к нему закончились. Меня утешает только то, что он не идёт, как танк на пролом, понимая слова.

Милана ходила в небольшую церковь, где её крестили почти взрослой, и куда она часто заходила последние полгода. Поставив свечу, она увидела священника, который сам подошёл к ней.

– Вижу, мучает тебя что-то, Меланья. Ты не суди, дочь моя, ни мать, ни отца. Время все расставит по своим местам. Кому бы Господь отпускал грехи, будь все безгрешные?

– Мама была на исповеди? – спросила Милана, догадавшись, о чём говорит священник.

– Была, Меланья, была. Обещала и тебе рассказать обо всём.

– Сказала, Отец Павел, вернее написала, – ответила Милана.

– Нет в том её греха. А ложь? Она была во спасение.

– Она не спасёт от разочарования моих дедушек и бабушек. Они могут не принять это спасение. Я для них всех могу оказаться чужой. Двадцать лет лжи могут дорого обойтись всем.

– Ты запомни, дочь моя, родство душ и кровное родство – это как два полюса. Кровное родство не гарантия родственных чувств. Есть много семей с приёмными детьми, где нет кровного родства, но есть родство душ, любовь и гармония. Твои родные грамотные и образованные люди, и они не смогут разлюбить тебя, если конечно, любили по-настоящему. Любовь, она идёт от сердца, которому нет дела, состоишь ты в родстве или нет.

Глава 2

Седьмого июня в доме Тихоновых собрались родные и друзья однокурсники, чтобы отметить сорок дней со дня смерти Натальи Тихоновой. Еще сидя за столом Милана с интересом рассматривала Алексея Александровича Тихомирова. Внешне Тихонов Леонид явно проигрывал однокурснику. «Два папаши и ни одной мамы», – подумала она, помогая Светлане замечать тарелки. Через полчаса она вся обратилась «в слух», когда Анатолий Антонов и два отца начали разговор о детях и их проблемах.

– С болезнью сына я, сам того не ведая, разворошил такое осиное гнездо, страшно вспомнить, – говорил Тихомиров. – Отец, после развода с матерью, женился на Виктории, которая была моложе его на двадцать шесть лет. У меня в девяностом родился Руслан, а у них в девяносто первом Влад. Когда встал вопрос о донорстве, поговорили с парнем, он согласился. Сдали анализы, и выяснилось, что он не брат мне, а сын.

– Ты всегда был любвеобильным, – сказал Тихонов. – И что теперь?

– Ничего хорошего. Отец с Викторией развелся, но оставил Влада с собой. Мальчишку в тонкости не посвящали. Как донор он может подойти, но не как родственник. Слишком много взял от матери. Руслан теряет надежду из-за редкой группы крови. Месяц у него есть, а потом будут пробовать то, что ближе к его показателям.

Проводив друзей, отец Миланы помог навести женщинам порядок на кухне и заметил, что дочь чем-то озабочена.

– Лана, у тебя всё в порядке? – задал он ей вопрос.

– Все нормально, пап. Через день я сдам последний экзамен за третий курс и вернусь домой. У меня есть к тебе разговор. Можешь подняться ко мне? Я соберу некоторые вещи и отправлюсь к себе, – попросила она, глядя на фото матери в траурной рамке.

Небольшая сумка уже стояла у двери, когда отец осторожно постучал в дверь её комнаты.

– Что за секреты, дочка? – спросил он, присаживаясь рядом с ней на кровать.

– Пап, как ты думаешь, мне стоит сдать анализы и, возможно, помочь сыну вашего друга?

– Лана, ты сейчас о чём говоришь? – удивлённо спросил отец.

– Пап, ты мой самый родной и любимый, но не надо делать тайну из того, что я знаю. Мне хочется помочь парню, который ещё и не жил. Я сделаю все анонимно. Бабушкам и дедушкам можно ничего и не объяснять. Они не разберут всех тонкостей. Если не подойду, Тихомирову об этом можно и не докладывать, ну а, если подойду – пусть узнает правду и позавидует тебе, – Лана смотрела на отца с надеждой. – Я знаю, ты человек разумный, поймёшь меня и дашь правильный совет. Ты только помни одно – вы моя семья и другой мне не надо.

– Если я правильно тебя понял, ты хочешь помочь брату, но пока сохранить тайну родства. Если подойдёшь как донор – расскажешь обо всём Тихомирову. А что дальше будет? – спросил отец. – Сможешь мне объяснить, как ты себе это представляешь?

– А дальше все будет зависеть от него. Я полистала интернет и выяснила, что сама процедура почти безболезненная и нестрашная, но мне придётся уехать туда, где парня будут лечить. Перелёт, пребывание в клинике и прочие мелочи на совести нашего папаши. Поэтому, я сдам экзамен и после этого пойду к доктору за советом и, возможно, консультацией. Он сможет мне популярно объяснить всё в деталях.

– Ты хочешь получить моё согласие, а для себя уже всё решила, лиса, – сказал отец. – Ладно, делай так, как считаешь нужным, но если всё получится – к доктору мы пойдём вдвоём. Я должен сам услышать от него насколько всё это безопасно. Сдавай анализы и держи меня в курсе. Лана, ты взрослая, но ты остаёшься моей дочерью и твоё здоровье мне небезразлично. Сколько времени займет подобная процедура?

– Если верить написанному: для меня – неделя, дней десять, а для него – от месяца до двух. Полной гарантии того, что болезнь не вернётся, нет, но шанс нужно использовать. Пишут, чем моложе пациент, тем больше шансов победить болезнь. Ты знаешь, что не всегда статьям в социальных сетях можно и нужно верить. Я поеду готовиться к экзамену. Пока, – сказала Милана, целуя отца в щёку и подхватывая стоящую у порога сумку.

Десятого июня она сдала анализы и теперь ждала результаты. Ей удалось даже познакомиться с Тихомировым Русланом. Она вошла в палату, где он находился один. Парень лежал с закрытыми глазами, слушая музыку через наушники. Милана присела на стул рядом с кроватью и с интересом рассматривала лицо подростка. Оно было бледным, с тёмными кругами под глазами. На голове красовалась цветная бандана. Заметив сходство паренька с собой, она улыбнулась.

– Что слушаешь? – спросила она, заметив, что подросток открыл глаза и снял наушники.

– Ты кто? – спросил он недовольно, оставляя её вопрос без ответа. – Что здесь делаешь?

– Тебе в рифму ответить или и так поймёшь? Я не виновата в том, что тебе не до меня, хотя очень хочу тебе помочь. Я сдала анализы, особо обнадёживать не буду. Меня Миланой зовут. Мне двадцать лет и я студентка четвёртого курса нашего университета.

– Откуда ты обо мне узнала, студентка Милана? – спросил Руслан Тихомиров.

– Не сотрясай воздух, Руслан. Если результаты окажутся положительными, мы с тобой познакомимся ближе. Не надо выпускать колючки. У тебя есть ещё надежда, а вот у меня мамы больше нет. Я пришла тебя не жалеть, а предложить свою помощь, поэтому не принимай меня в штыки.

Доктор Затонский позвонил ей рано утром в четверг.

– Милана, я не знаю как это возможно, но ты идеальный донор для Руслана. Когда ты сможешь приехать? Захвати с собой свою медицинскую карту.

Через пару часов Милана приехала в клинику. Рассказав лишь половину всей правды о своем рождении, она попросила:

– Сергей Ильич, я готова встретиться с его родителями, но для Руслана пусть всё останется простым совпадением. Я могу поехать когда угодно и куда угодно, но все вопросы пусть решает его семья.

– Я отправил результаты в Москву. Мне нужно знать только одно – проходить тебе обследование здесь или всё будут делать там. Теперь вопрос с поездкой упирается в их решение. С его отцом ты встречаешься через час в кафе. Держи адрес, – говорил доктор Затонский, протягивая ей бумажный листок. – Я не знаю, почему он выбрал кафе, но я, как ты и просила, не сказал кто ты.

Милана видела, как Тихомиров подъехал к кафе на машине. Вид у него был взволнованный. Она вошла в кафе минуты через две-три и подошла к его столику.

– Милана? Извини, но у меня здесь встреча, – сказал он, оглядывая зал.

– Волнуетесь? – спросила она, присаживаясь за столик.

– Очень. Дело касается моего сына, – рассеяно сказал он, поглядывая по сторонам.

– Я тоже волнуюсь. Папа хотел мне помочь, но я отказалась и решила сама предложить Вам помощь, – негромко сказала Милана, глядя на биологического отца.

– Ты о чём? О какой помощи идёт речь? – рассеяно спросил Алексей Александрович.

– О нас с Вами. Помощь нужна Вашему сыну и моему брату. Разговор пойдёт о доноре, которого Вы ждёте, и о котором говорил доктор Затонский. Этот донор сидит сейчас перед Вами. Папа не позволил сделать маме аборт и воспитал меня как свою дочь. Мы с Русланом, получается, брат с сестрой.

– Милана, Лёня знал об этом и молчал столько времени? – задал вопрос, огорошенный Тихомиров.

– Он бы и до сих пор молчал. О том, что Вы мой отец я узнала от мамы, а когда услышала о беде в Вашей семье, поговорила с папой. Это решение мы принимали вместе. У Вас есть к нему претензии? – спросила Милана, глядя биологическому отцу в глаза.

– Нет. Ты меня осуждаешь? – спросил Тихомиров, плохо соображая от услышанной новости.

– Дети не выбирают себе родителей, но мне с моими повезло. Я хочу помочь, а Вы свои семейные проблемы, с моим появлением, решайте сами без Руслана. Я не знаю, как он отнесётся к нашему родству. Где я живу, и мой номер телефона Вы знаете. Теперь только от Вас зависит, как быстро Вы сможете помочь сыну.

– Милана, я могу поговорить с твоим отцом? – спросил Тихомиров. Он не до конца ещё осознал всё услышанное, и у него была масса вопросов к бывшему однокурснику. Его переполняли эмоции, связанные с появлением донора, и этим редким донором оказывалась его дочь, о которой он ничего не знал двадцать лет.

– Валяйте. Только имейте в виду, что его родители, как и родители мамы, могут не знать всего. Мне не хотелось бы стать в один миг для них чужой. Звоните. До свидания.

Милана вышла из кафе, а Тихомиров сидел и не мог поверить в происходящее. Он хорошо помнил Наташу Илюхину и всё, что было с ней связано. «Значит, она не сделала того, на чём я так настаивал. Приняла предложение Лёни, вышла замуж и подарила ему мою дочь. А ведь я с ума сходил от ревности, когда она всем объявила о свадьбе, едва расставшись со мной, – вспоминал он. – Наша девочка должна была меня презирать за мать, а она решила помочь».

Пока Милана проходила обследование, она подружилась не только с Русланом и доктором Затонским, но и с его сыном Ильёй. Егор получил диплом и позвонил ей пятнадцатого июня. Он звонил ей и раньше, и они даже встречались на нейтральной территории то в кафе, то в парке. Теперь он пригласил её к себе домой.

– Прости, Егор, но я не могу прийти к вам в гости и разделить с тобой успех. Как я объясню своё поведение твоим родителям? Хорошо, приезжай к нам сам. Пока.

– Егор приедет в субботу? – спросила Светлана. – Что между вами происходит? Ты его больше не любишь?

– Я люблю его на расстоянии, по привычке. Мне не хватает его, а его появление меня больше огорчает, чем радует, – говорила грустно Милана. – Кажется, я простила ему его выходку, но какой-то внутренний барьер не могу преодолеть. Хочу и не могу. Такое чувство, что сделаю я этот шаг и пожалею об этом.

– А не сделаешь, так и будешь в неведении. Проясни для себя ситуацию, а иначе твоё безграничное воображение зайдёт слишком далеко. Дай ему шанс.

– Спасибо, Свет, я попытаюсь это сделать.

После обеда устроенного в честь Егора, получившего диплом, он сам завел разговор о поездке, которую они планировали вдвоём с Миланой ещё зимой.

– Когда мы с тобой выберемся? Ты мне обещала. Я понимаю, что тебе хочется помочь, но ты и меня пойми. Я переживаю за тебя, за процедуру, которая тебе предстоит.

– Я помню и согласна, но не сейчас, а, скажем, через месяц. Я сделаю то, что важнее, а ты поступай как хочешь. От меня многое зависит. Надумаешь дождаться меня – поедem отдыхать вместе, а нет – отдыхай один.

– Лана, мне нужна здоровая жена, – сказал Егор, и в его голосе Милана слышала нотки недовольства.

– Ты собираешься на мне жениться? – с удивлением спросила Милана. – Ты считаешь это возможным?

– Собираюсь через пару лет. Мне нужно время, чтобы встать на ноги и ни от кого не зависеть.

– В таком случае вернёмся к разговору о моём здоровье через два года. Я могу и без донорства не устроить тебя через время. Так уже было, – обижено сказала Милана. – Ты меня не слышишь.

– Сколько тебе пообещал Тихомиров, что ты так вцепилась в этого парня? – сердито спросил Егор.

– Не смей меня подозревать в корысти! Я приняла решение до того, как встретила с Алексеем Александровичем. Мне кажется, что дело не в моём отъезде и заботе о парне, есть что-то ещё. Что? Мы в последнее время не находим общего языка ни в чём. Может всё дело в тебе?

– Может быть. Делай, как знаешь, но я дождусь тебя, – в сердцах сказал Егор, и Милана видела, что молодого человека что-то беспокоит, что-то он не договаривает.

Двадцать третьего июня Милана вылетела в Москву вместе с Тихомировым и Русланом. Устроившись с комфортом в палате клиники и пройдя все положенные процедуры в течение дня, она к вечеру вышла в небольшой парк на территории больницы. После короткого разговора с отцом по телефону, Милана присела на скамейку, «переваривая» важную для неё информацию, которой с ней «поделился» столичный доктор. Рядом с ней присел мужчина лет шестидесяти. Достал таблетки и положил одну из них себе в рот.

– Вам плохо? Помощь нужна? – спросила Милана, поглядывая на него и положив свою руку на его ладонь.

– Тем, кто находится в здании гораздо хуже, – ответил он и посмотрел на девушку. – Сейчас пройдёт. Переволновался, беседа с медицинскими светилами. Внук у меня здесь лежит, – добавил он, и замолчал на пару минут. – Тебе позволили гулять? Сколько тебе лет?

– В сентябре будет двадцать, – ответила Милана не решаясь встать и оставить мужчину одного. – Я не пациентка, я донор для брата. Все решиться завтра утром. Очень хочется ему помочь.

– А родители ваши где? – спросил мужчина, глядя на Милану.

– Его отец в клинике, а мой дома. Моя мама умерла, а о его матери я не спрашивала, а он не говорил. Мы прилетели из другого города. Руслан мой сводный брат, а может не сводный. Всё так запутано, я уже голову себе «сломала», эту информацию мой мозг не может переварить.

– Рассказывай, а я послушаю и отдышусь. Может, что тебе и посоветую, – сказал мужчина, усаживаясь удобнее.

– О существовании биологического отца я узнала после смерти мамы, а на сороковинах впервые его увидела и узнала о трагедии в его семье. Мой папа всегда знал, что я ему неродная и все двадцать лет молчал. Я с ним советовалась, и мы решили попытаться помочь. Дома доктор сказал, что я идеальный донор для Руслана. Но выяснилось и другое. Мой набор ДНК не просто родственник по отцовской линии, но он близкий и по материнской. Получается, что мама Руслана может быть либо моей матерью, либо тётёй. Как это возможно? – взволновано говорила Милана, а сама вспоминала письмо мамы.

– Тебя это огорчает? – спросил собеседник. – Тебе было плохо в семье, которая тебя воспитывала?

– Моя семья самая лучшая. Я не могу себя представить в какой-то другой семье. У меня есть бабушки и дедушки, у меня есть отец, они всегда все меня любили.

– Значит, у тебя нет повода ворошить прошлое. Ты знаешь, что у тебя теперь есть ещё один отец, но ты же не перестанешь любить своего, который все эти годы был рядом? А мама? Её нет больше рядом, а другая мама тебе и не нужна. Я правильно думаю?

– Правильно. Меня беспокоит только то, чтобы не стать чужой для старшего поколения. Вы понимаете, что я могу в один момент лишиться бабушек и дедушек? Сейчас мы все живём в мире и согласии. А узнают Тихоновы, что я им никто, как они станут относиться к Илюхи-

ным? Им немного за шестьдесят лет, и я не уверена, что для них это пройдет безболезненно, – грустно говорила Милана. – Правда всё равно выплывет рано или поздно.

– Мне кажется, твои опасения напрасны. Твои родные мудрые люди. В этом возрасте голова и сердце думают одинаково. В нашей жизни много чего случается без нашего прямого участия. Я вот развёлся с первой женой мирно, женился второй раз на молодой, а она родила мне ребёнка, который мне приходится ни сыном, а внуком, – говорил мужчина, глядя мимо Миланы.

– Вы её отбили у своего сына? – спросила Милана, чтобы просто продолжить разговор. Она выговорила сама, и теперь давала возможность выговориться собеседнику.

– Она сама прибилась ко мне, а я не возражал. Теперь у меня нет законных жён, но есть два внука. Мальчишке четырнадцать, и я к нему за столько лет привык. Развод оформил, а с завещанием как быть не знаю. Надо бы юридически всё правильно оформить. Правильно – это значит признаться ему, что я дед, а не отец. Как он воспримет моего сына, как папашу? Как видишь, моя история не уступает твоей. Разница лишь в том, что твоя больше в прошлом, а моя в настоящем. Я сделал огромную ошибку в своей жизни, когда развёлся с первой женой. Мы прожили с ней почти тридцать лет, и она единственная, кто любил меня по-настоящему, а я её предал.

– Ошибки надо признавать и исправлять по возможности. Человек в любом возрасте должен быть счастливым. Не хотите вернуться к жене и попытаться наладить отношения? – спросила Милана, вспоминая отца и Светлану. – Думаете, мне легко видеть в доме, после смерти мамы, другую женщину, пусть и знакомую тысячу лет? Но я вижу, как они нужны друг другу. Я бы могла обвинить Светлану в том, что она утешала отца не в самое простое для него время. Кому бы стало от этого лучше? Отец очень любил маму, я люблю отца, а Светлана двадцать лет любит безответно папу. Их нельзя назвать предателями. Теперь у неё появился шанс стать счастливой и сделать счастливым папу. Я не имею права их разлучать, – говорила Милана. – Меня и мама об этом просила.

– У тебя доброе сердце, – сказал собеседник. – Ты учишься?

– Четвёртый курс университета. Через год получу диплом бакалавра, – ответила Милана.

– Не хотела бы продолжить обучение, скажем, в Англии или в Москве? – поинтересовался собеседник.

– Я об этом не думала. Наш университет не хуже столичного, а пройти стажировку и узнать, как в других местах, было бы очень интересно, – говорила она, понимая, что неприятные разговоры закончились.

– А как дела на личном фронте? Извини, что я тебе допрос устроил, – улыбнулся собеседник. – Дело молодое.

– На личном фронте, кажется, терпим поражение. Я оказалась проблемной барышней. Кавалер меня либо не понимает, либо не хочет понять. Возможно, устал поддерживать меня в моей такой непростой ситуации, а, возможно, я сама стала смотреть на неё по-другому. Не знаю. Мы больше двух лет дружим и планировали провести с ним часть лета на море, когда он получит диплом. Скажите, при данных обстоятельствах я могла поехать к морю, а не полететь сюда? Егору двадцать три и он не может не понимать всей серьезности момента, – с грустью спросила Милана. – Знаете, что он мне сказал? «Зачем ты взваливаешь на себя чужой чемодан, да еще без ручки?» Даже не будь Руслан моим братом, я попыталась бы помочь парню. Это ревность Егора или эгоизм? Где гарантия, что ему самому или его близким не понадобится чья-либо помощь? Простите, я Вас совсем заговорила. Как Вы себя чувствуете?

– Спасибо. Мне уже хорошо. Тебе что-нибудь нужно?

– Не беспокойтесь. Алексей Александрович обещал обо всем позаботиться. Я останусь здесь столько, сколько нужно. Доктора сами не могут определиться, что будет эффективнее и

как по полной программе использовать такого «идеального» донора. В любом случае, неделя в московской клинике мне обеспечена, – шутила Милана.

– Боишься? – спросил сосед по скамейке.

– Боюсь, но не самой процедуры, а её последствий. Реакция моего организма может быть предсказуема, а вот примет ли мои клетки организм Руслана – большой вопрос. Очень хочется надеяться на хорошее. Мы с ним успели подружиться, но он не знает кто я. Вас проводить? – спросила Милана, видя, что мужчина встаёт.

– У меня машина на стоянке с водителем.

– Тогда я провожу Вас до машины. Мне так будет спокойнее. С Вашим внуком будет всё хорошо. Нужна надежда и вера.

– Спасибо. Тебя, красавица, как зовут? – сядя в салон авто спросил мужчина.

– Милана Тихонова, – ответила она.

– А меня Александр Степанович. Мы с тобой еще увидимся. «Надо же, судьба преподнесла мне дорогой подарок. Я приеду сюда завтра и расскажу этой замечательной девчужке всю правду о себе. Будет сложнее признаться позже, – думал Тихомиров А.А. старший, сидя в машине. – У меня есть такая взрослая, добрая, просто замечательная внучка».

Тридцатого июня Милане позволили вернуться домой. Внизу её ожидал Тихомиров Алексей Александрович.

– Милана, ты очень торопишься или мы можем выходные пробыть в Москве? Мать Руслана прилетает завтра. Ты давно была в Москве?

– Я бывала только в московских аэропортах, а в самом городе только в далёком детстве, – смущенно ответила она. – Вы хотите мне устроить экскурсию по городу?

– Я хочу тебя познакомить с отцом и оставить тебя на его попечение, а сам улечу. Есть экскурсовод, ему четырнадцать лет и он знает гораздо больше, чем я.

– Я остаюсь. Позвоню только папе, пусть он меня встречает второго, – ответила Милана. Она уже догадалась о ком идёт речь. Александр Степанович навещал её в клинике, не сказав, кто он. Она поинтересовалась, кто он такой и доктор ей объяснил. В самые первые минуты она расстроилась, что была слишком откровенна с третьим дедом, но почти сразу успокоилась. «Я ничего не сказала лишнего и не солгала. Он был тоже со мной откровенным. Видимо, ему еще труднее, чем мне признаться», – думала она по дороге к деду.

– Чем займёшься, вернувшись из Москвы? – спросил Тихомиров младший.

– Буду брать у Светланы уроки «мастерства». Папа хочет, чтобы я поработала с ним, когда Светлана уйдёт в декретный отпуск. Через год, когда получу диплом, возможно, буду уже при должности, – улыбнулась Милана. – Компания небольшая, у меня четвёртый курс, будем пробовать, чему я научилась.

– У нас в компании не хочешь проверить свои силы? – глядя на дочь, предложил Тихомиров.

– Зачем Вам человек с незаконченным образованием? – не отводя взгляда, спросила Милана. – Мне нужна практика, но там, где я буду чувствовать себя не лишней.

Познакомившись с Тихомировым старшим во второй раз, Милана, глядя на него, спросила:

– Почему Вы не сказали мне всего сразу?

– Тогда бы разговор был не столь откровенным, а через день тебе уже было не до разговоров и душевных бесед. Знакомься, это Влад, – ответил он, «подталкивая» к ней подростка.

– Здравствуй, – сказал парнишка, протянув ей руку. – Ты Милана? Руслан поправится?

– Он обязан это сделать ради нас всех. У тебя со свободным временем как обстоят дела? Ты сможешь мне показать свою Москву? Те места, которые тебе самому нравятся? Красную площадь я могу посмотреть и сама. У вас в Москве только слепой может заблудиться. Что скажешь? – задавала она вопросы.

– Без проблем. Ты по жизни кто? – с интересом спросил Влад.

– Крутой я себя не считаю, но кое-что умею. Ты предлагаешь – я выбираю. Экстрим мне недели две-три не осилить, как и средние физические нагрузки, а вот карт, байк, байк на воде мне подойдут. Там нагрузок не так много, – оправдывалась Милана, видя, как загорелись глаза у мальчишки.

– Ты точно потянешь водный транспорт? – недоверчиво спросил подросток.

– Я то потяну, а ты не струсил? – улыбаясь, спросила она. – У тебя свой интерес к этому виду транспорта?

– Сегодня я тебя отвезу в офис, посмотришь, где я тружусь, потом погуляешь по городу, а завтра с утра мы поедем втроём на водохранилище и отдохнём на лоне природы. Будет вам и катание, и костёр и шашлык, – говорил за завтраком Тихомиров старший.

– А я? – задал вопрос Влад.

– Хочешь со мной? У меня одно условие – не ныть, пока я буду выбирать подарки домашним. Будешь хорошо себя вести, я куплю тебе мороженое, – предупредила Милана.

– Ты берёшь меня с собой? А денег у тебя достаточно? Я очень прожорливый, – улыбнулся Влад.

– Я тоже люблю сладкое, но рисковать твоим горлом не буду. Максимум две порции в течение двух часов. Идёт?

Они разговаривали так, как будто находились за столом одни. Отец и сын Тихомировы слушали этот диалог, переглядывались, слегка улыбаясь. Влад не был трудным ребенком, но после развода, он стал несколько замкнутым, плохо шёл на контакт, старался бывать меньше дома. Он боялся того, что Тихомиров старший, который, как оказалось, не приходится ему отцом, передумает и передаст его матери. Этой своей проблемой он поделился с Миланой.

– Послушай меня внимательно, Влад, – говорила Милана подростку, – меня двадцать лет воспитывал неродной отец. Он любит меня, а я люблю его. Он все эти годы был рядом. Моему отцу сорок, а твоему шестьдесят. Разницу улавливаешь? Вы с ним прожили почти пятнадцать лет, и как бы ты к нему не относился, ты должен его беречь, больше доверять. Дети родителей не выбирают. Мы, брат, с тобой почти на равных. Разница лишь в том, что тебя воспитывает кровный родственник, а меня чужой дядя. Не замыкайся в себе, не бойся перемен в жизни. Трагедии в вашей семье нет, а все проблемы решаемы. Поговори с ним откровенно о том, что тебя беспокоит. Тебе станет проще, когда ты эти слова услышишь не от меня, а от него. Как не крути, вы с ним родные люди. Доводится он тебе отцом или дедом не так и важно. Главное вы любите друг друга. Я не пытаюсь тебя успокоить или утешить. Ты принял эту новость? Принял. Перестань себя жалеть, обвинять мать и береги отца и деда в одном лице. Кто знает, как повернётся твоя жизнь через десять лет. Забудь о плохом прошлом и будь собой. Ты – это ты. Хорошим или плохим ты не сможешь быть для всех. Главное, не будь эгоистом в своей большой семье.

Милана понимала, что её «пламенная» речь может быть не услышана и не понята, что парень, с которым она познакомилась всего пару часов назад, может вообще не воспринимать её слова. Она должна была, как-то прореагировать на его несуществующую проблему.

– Ты ждёшь ребёнка? – спросил Влад, следуя за Миланой по торговому залу магазина «Детский мир».

– Малыша ждёт мой отец со своей женой, – ответила она, выбирая комплект для новорожденного.

– Ты позволила ему жениться? – удивился Влад.

– Влад, папа заслуживает счастья. Это его жизнь. Он может и должен воспитывать своего сына, – убеждала Милана брата.

– Я бы так не смог. Если бы отец женился, я ушёл бы из дому.

– Да ты, брат, уже эгоист. И кому бы от этого стало хуже? Ушёл ты, а уверенность есть, что тебя станут искать, и ты кому-то нужен? Ушёл и ушёл. Александр Степанович вряд ли женится, а вот вернуться в первую семью может. Что в этом плохого, объясни?

– Раиса Степановна добрая. Она мне теперь как бабушка, Руслан – брат, а ты – сестра?

– Получается, что так. Видишь, как всё хорошо складывается, а ты собрался из дому убегать, дурила. Пойдём, братишка, в кафе за обещанной порцией мороженого.

Два дня Влад не отходил от Миланы. Они чудесно провели втроём время на водохранилище. Влад был в восторге от своей такой разносторонней сестры. Дед только изредка напоминал ему, что Милана ещё не восстановила форму и ей бы себя побережечь. Это он принимал. В аэропорту, проводив Милану на посадку, он задал Тихомирову вопрос: «Когда поправится Руслан, мы сможем все вместе поехать в город, где живёт Милана? Или переехать и жить всем вместе?» «Окончишь девятый класс, и мы займёмся этим вопросом», – ответил Тихомиров, обнимая внука.

В аэропорту родного города в воскресенье её встречал отец.

– Как у вас всех дела? Как Светлана? – обнимая отца, спрашивала Милана. – Я вам подарки привезла. Мы сразу домой?

– Поедем через рынок. Как дела у нас – сама увидишь, а от тебя я жду объяснений. Ты почему задержалась на целых двое суток? Тебе денег хватило или жила за чужой счёт?

– Вы, Леонид Михайлович на меня сердитесь? За что? Пап, ты меня ревнуешь к Тихомировым? Это даже не смешно. Я тебе позвонила, прежде чем задержаться. Знай, я о такой реакции – прилетела бы сразу. Деньги у меня ещё остались, а жила я на полном пансионе, который предоставила клиника.

– Прости. Я два дня сам не свой. Да, я ревную, – признался отец. – Ничего не могу поделать с собой.

– Глупо! Мне было любопытно посмотреть, как живут в Москве, познакомиться с Тихомировым старшим и Владом. Знаешь, как здорово мы провели выходные за городом. А ещё я познакомилась с матерью Руслана, – сказала Милана и вспомнила минутный разговор.

– *Вот значит, ты какая внебрачная дочь Алексея Тихомирова, – сказала незнакомая женщина с каштановыми волосами Милане, которая только закончила свой разговор с врачом.*

– *Вы мама Руслана? Меня зовут Милана, – представилась она, внимательно разглядывая женщину. – Я дочь однокурсников Алексея Александровича.*

– *Это не мешает тебе претендовать на наследство. Передо мной не нужно изображать своё бескорыстие, – сказала язвительно дама. – Меня зовут Людмила. Сколько тебя заплатили и сколько ты ещё хочешь?*

– *Это хорошо, что Вы с мужем в разводе и мне не придётся выслушивать ваши глупые вопросы. А теперь послушайте меня очень внимательно и запомните хорошо одно условие – если по Вашей вине Руслану станет хуже, Вам, простое отлучение от дома, покажется детской шалостью. Вы полностью лишитесь своего содержания, если я расскажу, как Вы двадцать лет назад отказались от новорождённой дочери. Молитесь, чтобы Ваш сын поправился, Людмила Журавлёва. Прощайте.*

– И как знакомство?

– Да ни как. В ближайшее время её к Руслану не пустят. Он сейчас в стерильном боксе, а она не будет там сидеть круглые сутки, ни та натура. Потом его отец вернётся, да и дед рядом, – сказала равнодушно Милана. – Она обвинила меня в корысти, но я не рассказала о ней Тихомировым.

– Я хотел о деде и поговорить. Мне Алексей звонил и сказал, что дед на твоё имя сделал перевод в полтора миллиона. Узнал сколько стоит поиск донора, перевёл сумму в рубли и переслал.

– Пап, речи о деньгах не было. Он возил меня в офис своей компании, разговаривали об учёбе и стажировке за границей, но это были просто разговоры. Деньги надо вернуть.

– Лана, у меня другое предложение. Дождись результатов лечения Руслана. Если ему понадобится ещё твоя помощь, можно будет не ждать Тихомировых.

– Пап, ты считаешь, что я могла продаться за большие деньги? Ты еще Светлане скажи об этом. Я рада, что вы с ней вместе. Я бы приняла и другую мачеху, но не сразу и, ни так радушно. Младший Тихомиров предлагал мне работу, но я отказалась. Знаешь почему? Я соврала ему. Сказала, что ты, проводив жену в декретный отпуск, доверишь её место мне.

– Нет в этом ни капельки лжи. Мы так и поступим. Будешь работать по свободному графику, а получишь диплом – полный день. Ты позвони старикам – они переживают, – предложил отец.

– Пап, я съезжу к ним прямо сегодня. Отмечусь дома, возьму машину и поеду. Ты не знаешь, кто у кого сегодня обедает? – спросила Милана. «До болезни мамы родители родителей каждый выходной собирались в нашем доме. Теперь они встречаются по очереди в своих квартирах на воскресный обед», – вспомнила она. – Они же через неделю летят к морю.

– А ты? Вы с Егором собирались ехать отдыхать. Передумали?

– Если Ланской не передумал, обязательно поедем. Я даже за ним скучала. На мне овощи, фрукты и другие продукты? – смеясь, спросила дочь.

– На мне – мясо, рыба, колбаса, – улыбнулся отец. – Выбери хорошую местную клубнику с учётом стариков. Они вечно денег жалеют. Держи деньги.

Отец и дочь разошлись своими «маршрутами». Уже давно поездка на рынок и распределения покупок было для них делом привычным. Милана купила практически всё. Дело оставалось за ягодой. Она придирчиво осматривала наполненные лукошки и никак не могла определить, какую ягоду лучше взять.

– Продайте мне на выбор четыре контейнера, а я заплачу вам на тридцать процентов больше, – шутя, предложила она женщине. – Обещаю не копать, а брать ягоду сверху.

– Давай сорок процентов и выбирай сама, – согласилась та.

Милана сложила контейнера с ягодой в пакет, рассчиталась и собиралась покинуть рынок. Вот уж кого она не ожидала встретить здесь, так это Егора. В первые минуты она засомневалась, но парочка шла ей навстречу и сомнения исчезли. Егор шёл, держа под руку беременную спутницу. Милана узнала в молодой женщине девушку из клуба, с которой видела Егора на дне рождения Павла Антонова.

– Привет, – сказала она, поравнявшись с парочкой. – Тебя можно поздравить? Ты долго собирался скрывать этот факт? – спросила она с улыбкой. Вместо гримасы растерянности от такой неожиданной встречи, на её лице отразилась именно улыбка.

– Ты когда вернулась? Позвонила и я бы встретил, – растеряно говорил Егор. – Познакомься – это Вика.

– Извини, но у меня нет желания знакомиться с твоими подружками, – ответила Милана. – Меня встретил папа. Мы прямо из аэропорта заехали на рынок. Извини, меня отец ждёт, – добавила она, ещё не до конца «переварив» увиденное, поэтому глаза были сухими, и пошла к выходу.

– Милана, постой, послушай меня, – догнал её Егор.

– Ребёнок твой? – спросила Милана на ходу, не сбавляя шага и не останавливаясь.

– Не знаю, но может оказаться моим, – ответил виновато Егор.

– Значит, на дне рождения Павла она не была случайной знакомой? Что ты в таком случае можешь мне сказать? Отдых на море отменяется? – спросила Милана.

– Мы можем поехать отдыхать в любое время. Я не могу отказаться от ребёнка, если он мой, но я не собираюсь связывать свою жизнь с Викторией. Она родит, и я сделаю тест, а пока я ей просто помогаю, – пытался оправдаться Егор, не готовый к этой встрече.

– Значит, моя помощь Тихомировым была тобой не понята, а ты хочешь, чтобы я поняла твою помощь женщине в положении, которая носит, возможно, твоего ребёнка и о котором я ничего не знала, – остановившись, говорила Милана. – Ты сделаешь тест. И что это даст? Как он оправдает сам факт измены? Как он оправдает тебя в моих глазах? Я соглашусь с тобой, что я далеко не подарок, но зачем ты пытался возобновить наши отношения при таких вот обстоятельствах? Ты рассчитывал на то, что я не узнаю об этом? Это Егор даже не цинично, это подло с твоей стороны. Глядя на её живот, ты врал мне, по меньшей мере, полгода. Зачем ты это делал? Как ты вообще мог так со мной поступить? Да мы не клялись с тобой в любви до гроба, но обещали не лгать и доверять друг другу. Ты понимаешь, как я себя сейчас чувствую?

– Прости меня. Я очень виноват перед тобой. Я струсил, не хотел потерять тебя, потому и молчал. Мне нужно многое тебе объяснить, – говорил Егор, глядя ей прямо в глаза. – Милана, давай мы с тобой встретимся и спокойно поговорим.

– О чём, Егор? Чтобы ты мне не сказал, я знаю, каким образом получают дети, и беременность подруги не исчезнет от твоих оправданий до срока. Тебе просто нужно было сказать мне правду. Возможно, я и не простила бы, но отнеслась с пониманием, сейчас я тебя ненавижу, и встречаться нам больше не стоит. Не звони мне больше. Прощай, – сказала она, направляясь к выходу и не оглядываясь назад.

– Лана, ты, что такая бледная? – спросил отец, укладывая покупки в багажник авто. – Садись в машину. С тобой всё в порядке?

– Я клубнику возьму в салон. Ты воды купил? Достань одну бутылку из упаковки. Знаешь, кого я встретила на рынке? Егора с беременной спутницей, – сказала Милана, сделав пару глотков воды из бутылки. – Ты представляешь эту картину?

– Ты не ошиблась? – удивлённо спросил отец.

– Пап, я разговаривала с ним, как с тобой, а ей месяца через два рожать. Он даже не отрицает возможности отцовства. Поехали домой, – попросила Милана.

– Расстроилась? – глядя на дочь, спросил Тихонов. – Лана, а что, если всё это выдумки?

– Есть немного. Я была готова к разрыву, но не по этой причине. Чтобы так искусно лгать полгода, нужна веская причина. Не из-за большой же и светлой любви ко мне он водил меня за нос?

– Может и не говорил потому, что боялся твоей реакции. Вас больше двух лет связывает. А если это всё же любовь? Тебе с ним поговорить нужно спокойно, – советовал отец.

– Пап, и ты туда же, – сердилась Милана. – Он мне тоже предложил поговорить. О чём, пап? У него не хватило смелости сказать мне обо всём в своё время, а что он может сказать мне сейчас. Может мне стать наложницей в его гареме? Антонов мог постараться рассорить нас, ему это было выгодно, но не думаю, что Пашка уложил его в постель насильно.

– Пашка не мог так с тобой поступить, вы же выросли вместе, – предположил отец. – Мы все очень надеялись, что ваша дружба перерастёт во что-то большее.

– Ошибаешься. Пашка очень изменился в худшую сторону. Я не удивлюсь, если он принимает наркотик. От алкоголя у него крышу уже сносило. Это трудно не заметить. Я пыталась с Полиной поговорить, но разговора не получилось. Попробуй поговорить с отцом Пашки, а о Егоре больше не говори ни слова. Договорились?

Вручив отцу и Светлане подарки из Москвы за поздним завтраком, Милана собрала купленные старикам продукты, положила сверху презенты из столицы. Выгнала из гаража машину марки «Мазда», раньше принадлежавшую её матери, и поехала к Тихоновым старшим. Именно у них сегодня обедали Илюхины. Обе семьи были рады приезду Миланы, она была единственной внучкой. Около часа она рассказывала дедушкам и бабушкам о своей поездке, отвечала на их вопросы.

– Вы с Егоркой, когда собираетесь отдыхать? – спросил дед Николай.

– Никогда, дедуля. Я дала ему полную свободу. Больше между нами, мои дорогие, не будет разговоров о нём. Договорились? Я предстала перед вами живая и здоровая, а теперь откланиваюсь.

– Лана, внученька, а может, с нами поедешь? – спросила бабушка. – Место конечно не молодёжное, но всё равно Юг. Наш Михаил Васильевич отказывается ехать, а билет его мы ещё не сдали.

– Ты, дедуля, почему бунтуешь? Чем тебя славный город Геленджик не устраивает? – улыбаясь, спросила Милана. – Ты у нас об островах мечтаешь?

– Да ну это море. Я лучше с Николаем на рыбалку с ночёвкой поеду дня на два. Я и не рвался в эту бухту с её водорослями, так уговаривали полгода. Выручи деда, поезжай с бабками, сделай милость, – просил дед внуку.

– Я поговорю с папой и приеду завтра. Договорились? – целуя по очереди стариков, говорила она. – Не скучайте, я завтра заеду, и решим этот вопрос.

Милана вернулась домой и рассказала отцу и Светлане о предложении стариков. Они и не были стариками, им было чуть больше шестидесяти лет, а точнее шестьдесят два года.

– Да ты у нас дочка прямо нарасхват, – выслушав её, сказал отец. – Посмотри, что тебе принёс курьер, – протягивая конверт, говорил он.

В конверте лежала путёвка на её имя на десять дней в Италию, билет с датой вылета первого августа из московского аэропорта, карточка и короткая записка. «Надеюсь на встречу в Москве первого числа в клинике. Позвони. Тихомиров». Милана набрала номер Тихомирова и без всяких предисловий сказала:

– Почему Италия, а не Франция или Испания? Вы теперь будете баловать меня до пенсии? – не давая возможности ответить на свои вопросы, спрашивала она. – Давайте договоримся, если мне нужна будет помощь, я у Вас её попрошу. Больше никакой самостоятельности с Вашей стороны. Как Руслан?

– Состояние тяжёлое, но стабильное, – ответил Тихомиров. – Ты обижена? Я взял то, что было в наличии до начала занятий в университете. Обещаю, больше не проявлять инициативу.

– Пожалуйста, держите меня в курсе состояния здоровья Руслана. Я буду звонить раз в три-четыре дня. До свидания. – Пап, что опять не так? Ты слышал весь разговор. Меня не было в доме, когда принесли этот чёртов конверт. В конце концов, это твой друг, которого сам Бог привёл за руку к нам в дом, где он обрёл надежду. То, что сделала я, не гарантия здоровья Руслана. Приживутся эти клетки или нет, сколько пройдёт времени и будет ли толк говорить рано. Я тебя очень люблю, но доказывать это каждый день я не буду, – сердилась на отца Милана.

– Лана, отец тебя просто ревнует, – говорила Светлана, когда отец вышел. – Это пройдёт со временем, потерпи. Сосредоточься на поездках и проведи лето с пользой для себя. Когда у тебя появится возможность отдохнуть сразу на двух морях за одно лето? Скажи, мы можем поговорить с тобой наедине? – спросила она.

– Я не хочу говорить о Егоре, – сказала Милана. – Не хочу о нем не говорить, не думать. Пожалуйста, давай оставим эту тему.

– Я не о нём. Присядь, пожалуйста. Ответь мне всего на один вопрос: ты, действительно, простила меня или терпишь ради отца моё присутствие? Мне хотелось бы услышать правду, какой бы она не была.

– Свет, мне не за что тебя прощать. Мы с тобой давно друг друга знаем и всегда находили общий язык. У нас с тобой даже были секреты. Мама просила меня вас не разлучать, да я бы этого и не сделала. Я хочу, чтобы вы были у меня счастливыми. Знаешь, если бы вы начали свои отношения раньше, возможно, я приняла бы это в штыки и посчитала предательством, а так, я не имею право вас осуждать. Маму не вернуть, папа будет воспитывать своего ребёнка,

а мы с тобой больше не возвращаемся к этой теме. Тебе нужны положительные эмоции, а мне здоровый брат.

– Спасибо. Я постараюсь быть тебе хорошей мачехой.

Отпуск с бабушками удался. Женщины давали внучке полную свободу действий. Они ходили на пляж вместе два дня, после чего Милана стала ходить на час позже и в другое место, чтобы они отдыхали спокойно. При этом твёрдо пообещала им не садиться на водный мотоцикл. Здесь же она решилась на разговор с бабушкой Тоней.

– Бабуля, скажи, ты слишком расстроилась, узнав о моём родстве с Тихомировыми?

– Нет, моя родная. Я расстроилась, когда стала видеть часто Светлану в вашем доме. Лёня мне хотя и сын, но Наташа была нам хорошей снохой. Я начала его отчитывать, упрекать, он мне обо всём и рассказал. Узнав о Светиной беременности, порадовалась за обоих. Ребёнок после сорока большой риск и для ребенка, и для матери. Это я тебе как врач говорю. Маша с Николаем, видимо, знали от Наташи правду, что и они Свету приняли. В корысти её не обвинишь. Кто ей мог запретить любить Лёню? Двадцать лет наблюдать, как твой любимый любит другую – это пытка. Она своё счастье выстрадала. Ты и та её приняла.

– Меня мама просила об этом.

– А нас, девочка моя, и просить не надо. Ты наша первая внучка и мы все тебя любим. Алексей Тихомиров любил Наташу. Только любовь у твоих отцов была разная. Раз уж так судьбой дано, надо принимать. Теперь у тебя вместо двух дедов и бабок стало трое.

– Я очень переживала, что вы меня разлюбите и бросите.

– Не надейся. Мы ещё, родная моя, правнуков дождёмся.

Десять дней пролетели быстро. Вернувшись домой, Милана уже через день «принимала» в гости Павла и Полину Антоновых. Милана заметила, что поведение Павла как-то изменилось. Она поговорила с Полиной, задав ей прямой вопрос:

– Поля, что с Пашкой?

– Мне кажется, я почти уверена, что он принимает наркотики.

– Ты родителям говорила об этом. Он же пропадёт.

– Мама и слышать ничего не хочет. Он её сумел убедить, что всё это враньё, а отец кроме работы и своих девок ничего вокруг не замечает. Что я могу?

– Я попрошу папу поговорить с твоим отцом.

– Мой папаша и обвинит тебя в том, что Пашка из-за тебя скатился. «Мой сын страдает, а ей и дела до него нет. Что он в ней нашёл?» – эта фраза была брошена в твой адрес. Не будет он дядю Лёню слушать.

Тридцать первого июля Милана поднималась на борт самолёта, который доставил её в Москву. Руслан до сих пор был в клинике, но состояние его было намного лучше и они даже встретились.

– Не подводи меня, брат. Через десять дней я вернусь, и мы вместе отправимся домой, – говорила она прощаясь.

Глава 3

Север Апенинского полуострова и Венецианская Ривьера Милане запомнятся надолго. Красивые места, удивительные люди, хорошая погода и отличное настроение. Она сидела в небольшом кафе, где стала свидетелем небольшого скандала между своими соотечественниками. Один из молодых людей явно скрывал своё русское происхождение, пытаясь изъясняться на итальянском языке. Чтобы не раскрывать «аборигена», она попросила его на английском «простить несдержанность её спутника». Взяла под руку «русского туриста» и усадила его за свой столик.

– И зачем ты вмешалась? Кто тебя просил? – сердился он.

– Ты чего с ним сцепился? Он даже на вид сильнее тебя. Ты хочешь провести ночь в участке? – недоумевала Милана. – Я не хотела вмешиваться, но ты, ни дома.

– Я просто хотел поговорить, – оправдывался он. – Меня Олег зовут, Олег Шейн.

– Милана, – глядя на него, сказала она, рассматривала нового знакомого. Рост выше среднего, тёмно-русые волосы, короткая стрижка, серо-голубые глаза. Светлое поло, брюки в тон и лёгкие туфли. Ни каких особых примет, не считая очков в дорогой оправе.

– По путёвке отдыхаешь или сама по себе? – спросил, немного успокоившись, он.

– Приехала по путёвке, а отдыхаю, как та кошка сама по себе. Ты о чём хотел поговорить с «итальянцем»? Он, как это тебе не покажется странным, наш земляк. С такой фигурой Аполлона и внешностью он душит головы туристкам и зарабатывает на этом. Я видела его на причале, где швартуется весь водный транспорт. Так что тебе от него надо? – спросила Милана с интересом.

– Я работаю в небольшой адвокатской конторе отца. У нас на носу развод одной пары. Между ними заключён брачный контракт, согласно которого сторона, уличённая в измене, не получает ничего. Наша клиентка утверждает, что у неё не было никакого романа с этим типом, а супруг утверждает, что курортный роман был. Что он нанял фотографа, чтобы зафиксировать факт поведения жены. В подтверждение приложил это фото. Оно абсолютно безобидное. Но со слов истца – пикантные фото он уничтожил, – говорил Олег, протягивая Милане копию, сделанную с фотографии. – Клиентка утверждает, что не знает даже имени этого героя, а фотографий действительно было несколько. Они отдыхали с мужем вдвоём и фотографировались вдвоём с мужем, и троём, и снимал их местный фотограф. Одним словом, у каждого своя правда.

– Ты от парня чего хотел? Повезёшь его в Россию, как свидетеля? Глупо. Он может сказать неправду, может за деньги сочинить новую историю. Да и не поедет он никуда. Давай мы с тобой встретимся с утра на пляже. Я попробую с ним поговорить сама. Не спрашивай о чём, потому, что я ещё не знаю. Пообщаюсь и спрошу: помнит ли он женщину с фотографии. Это, возможно, и не признательные показания, но будем знать, что их связывало. А, если это выдумка супруга, желающего развестись с наименьшими для себя финансовыми потерями? Пока. Не ввязывайся больше в драку, – предложила Милана.

Олег Милану едва узнал. Вчера она была в длинном сарафане, с подобранными волосами. Сегодня на ней была короткая туника, едва прикрывающая бедра, тёмные очки, а волосы развевались от лёгкого ветерка. Она помахала Олегу рукой, сняла с себя тунику, оставшись в закрытом купальнике, и ступила на деревянный настил причала. Подошла к гидроциклам, один из которых «оседлал» объект, собрала распущенные волосы в небольшую косу, окинула равнодушным взглядом немногочисленных туристов, которые уже начали свой день и собравшийся «персонал», готовый к лёгкому заработку. «Абориген» смотрел на неё не как на объект заработка, а как на сексуальный объект. Девушка была молодой и милой, а её купальник слился с фигурой, подчёркивая прелести. Она сама обратилась к нему.

– Привет! – посмотрев на него пристально, сказала Милана. – Не узнал? Вчерашний вечер, кафе и небольшая потасовка. Не надо говорить, что ты не понимаешь русского языка. Твой итальянский в десять раз хуже моего английского.

– Я не похож на итальянца? – улыбнувшись, спросил он. Он прекрасно знал, что к его фигуре Аполлона улыбка добавляет ещё больше интереса женской половины отдыхающих. – Ты сегодня совсем другая, но всё равно интересная. А где твой спутник?

– Ты больше похож на грека, – ответила Милана. – Но если тебе нравится изображать итальянца, будь им. Спутник не любит риск. Часто гоняешь?

– Чаще пытаюсь заработать на извозе. Бери недорого. Хочешь, прокачу с ветерком? – предложил он.

– Тебя как зовут, извозчик? – улыбнулась Милана. Она тоже знала, что многим нравилась её улыбка.

– Альбано, – ответил он. – Хочешь, зови Альберт. А тебя?

– Милана. Ты давно здесь прописался? Чем занимаешься, я примерно, догадываюсь. Сам откуда?

– Зачем это тебе? – перестав улыбаться, спросил он.

– Я похожа на человека из эмиграционной службы? Я не настаиваю, а ты можешь не отвечать, – сказала она обиженно и отвернулась.

– Ты пришла проветриться или поболтать? – миролюбиво спросил Альбано.

– Одно скажу определенно: ты не в моём вкусе и не надо себе льстить. Одной как-то не весело выходить в море, и страшновато. Устроим с тобой заезд долларов на сто?

– Откуда у меня сто долларов? – задал он вопрос. – Ты где каталась?

– На реке, на водохранилище, один раз на море. А доллары – заработай. Струсил, так и скажи. – Она развернулась лицом к владельцу байков и что-то сказала по-английски. Тот протянул ей жилет и показал на «Спарк». Милана протянула ему денежную купюру и свою тунику. Оседлала гидроцикл и пару минут неспеша проехала вдоль берега, чтобы почувствовать машину. – Ты не созрел, Аполлон? – крикнула она.

Возможно, самолюбие Альберта было задето, а скорее возможность заработать, «сорвали» его с места. Он подъехал и, глядя на девушку, задал вопрос:

– Какие условия?

– Ты же местный, акваторию знаешь, предлагай. Куда будем держать курс? Что у вас здесь можно, чего нельзя. Я человек приезжий, – ответила Милана, согласная на любые его условия и правила. Ей было важно увлечь молодого человека, вызвать азарт. «А деньги? Деньги будет платить Олег. Это издержки его профессии», – думала она, слушая Альберта. – Я согласна.

Старт был дан и теперь два «Спарка» мчались, удаляясь от берега. Милане не важен был выигрыш. Она решила, не отступая от основных условий, устроить для Альберта «небольшой экстрим на воде», но при этом избегать рисков для себя и противной стороны.

Альберт «пришёл» к финишу вторым. Он был не столько испуган тем, что «вытворяла» на воде Милана, сколько удивлён бесстрашием самой «девчонки». Милане, по его мнению, было лет двадцать. Она не просто не боялась скорости, она на этой скорости пыталась заставить бояться его самого. На берегу их встречали немногочисленные зрители овациями.

– Я думал, ты меня угробишь, – сказал новый знакомый. – И было уже не до заветного приза в сто долларов. Ты очень, Милана, азартная и бесстрашная.

– Азартная, но не бесстрашная. Не грусти. У тебя осталась ещё возможность заработать фантик с президентом, – успокаивала его Милана.

– Каким образом? С тобой опасно связываться, но я, пожалуй, рискну ещё. Что на этот раз? – улыбнулся он.

– Пусти. Ты часто позируешь на фото с туристками? – спросила Милана, заметив Олега и махнув ему рукой.

– Бывает. Здесь, например, любят фотографироваться на фоне яхт. Чем к дорогой яхте ближе, тем дороже. Ты хочешь устроить фотосессию? У меня есть знакомый фотограф, – говорил Альберт, глядя на Милану.

– Это ты на фото? – спросила она, протягивая ему копию. – Не пугайся. Нет никакого криминала. Нам надо знать когда, где и кем была сделана эта фотография. Одним словом, коротко её историю.

– И всё? – удивился он.

– И всё. Попробуй вспомнить подробности. Чтобы тебе помочь, скажу следующее: у женщины неприятности из-за этой фотографии. Муж использует это фото в качестве доказательства неверности жены.

– Бред сивой кобылы, – усмехнулся Альберт. – Фото вполне приличное. Я на палубе яхты обнял женщину за талию и целую руку. Это можно расценить как факт измены?

– А доказать невинность фото ты сможешь? – спросила Милана. – Может фото сделано до интима между вами, может после. Обстановка располагает.

– Когда она отдыхала? На фото должна быть дата, а её нет. У меня всего один фотограф, и я очень редко «подставляюсь». Если честно, то бывают случаи для мелкого шантажа, но не с моей стороны. Алекс делает фото, где есть не только дата и время, но и его, своего рода, логотип. Да, я вхожу в роль богатого и коварного соблазнителя. Это работает с теми, кому не удаётся зацепить ухажёра. А фотография – это доказательство хорошо проведенного отпуска. Только все мои клиентки в курсе такого рода услуг. Я не предлагаю им интим и не принимаю его даже даром. Принцип у меня такой. Эту женщину я не помню.

– Ладно, зайдём с другой стороны. Где нам найти Алекса? Что, если у него сохранилась плёнка? – спросила Милана. – Ты ещё хочешь заработать сотню? Тогда помогай.

Через час они уже были у Алекса и перебирали плёнки с конца июня. Альберт вспомнил, что парочка фотографировалась и вместе, и что муж сам «руководил» съёмкой, советуя и смеясь как лучше позировать. Алекс распечатал все имеющиеся кадры с фотоплёнки, где была запечатлена пара, где ясно просматривались дата и время. Рассчитавшись за фото и услугу с соотечественниками, Милана и Олег с ними простились.

– Будешь скучать, знаешь, где меня найти, – сказал Альберт Милане. – Обещаю – для тебя я не буду входить в образ.

– Милана, я твой должник, – сказал Олег, провожая Милану в отель. – Может, поужинаем вместе? Ночью я улетаю.

– Я тебя ввела в большие расходы? – улыбнулась она.

– Ты меня спасла. У меня теперь есть отличное доказательство лжи со стороны истца. Запись с диктофона могут и не принять во внимание, но на этом можно сыграть до суда. Спасибо тебе.

Они провели вечер в ресторане, а прощаясь, Олег, протягивая ей визитку, попросил: – «Вернёшься в город – позвони мне».

Ещё неделю Милана встречала Альбано на причале. Они мило беседовали пять-десять минут до её «заезда». Ей иногда казалось, что «азартный итальянец» делает ставки на её гонки с желающими. Обвинить голословно молодого человека в этом она не могла, у неё не было ни доказательств, ни желания. Альбано же, после «заезда», предлагал ей хороший коктейль или сок и свою компанию минут на десять. Он не делал попыток сблизиться с Миланой, которая дала понять сразу, что не намерена заводить интрижки. У неё была слишком насыщенная программа отдыха и болезненная реакция на молодых людей.

Милана прилетев из Италии, задержалась на два дня в Москве. Она узнала, что Руслан к первому сентября вернётся домой, а Влад пойдёт в девятый класс в Москве и будет жить здесь с Александром Степановичем. Здесь же её застало известие о похоронах Павла Антонова. Пашка всё же «пропал».

– Что-то случилось? – спросил Руслан, видя, как изменилась в лице сестра.

– Друг у меня был с самого раннего детства, а наши родители дружили. Пашка умер от передозировки, сегодня были похороны. Вот так всё просто. Жил, учился, дружил, ни в чём не знал отказа, а закончил как последний наркоман, – говорила она, вспоминая Павла, а на глаза наворачивались слёзы. – Если с вами случится подобное – я не приду даже проститься. Одни борются за жизнь, а другие её сознательно губят. – Прилетишь в город – позвони, и я приеду, – сказала она Руслану. – А тебя, брат Влад, я жду на следующий год. До этого времени, будь добр, звони раз в неделю, в месяц. Договорились?

Милана вернулась в город, но позвонила Олегу только восемнадцатого августа.

– У тебя всё нормально? – спросил он. – Я уже не надеялся, что ты мне позвонишь. Мы можем с тобой встретиться? За мной ужин.

– Не будем ждать вечера и пообедаем завтра, если хочешь, – ответила Милана. – Позвони завтра.

Их роман развивался постепенно. Они встречались два-три раза в неделю по вечерам. Одновременно с началом учебного года, Милана стала работать в фирме отца под чутким руководством Светланы. Учёба на последнем курсе и работа занимали будние дни, а в выходные она старалась помочь дома и навестить Руслана. Все непонятные вопросы по работе решались дома. Светлана уходила в декретный отпуск с шестого октября, а до этого времени ей предложили лечь в больницу на сохранение.

– Лана, девочка моя, я поживу пока у родителей, – говорил отец. – Справишься одна? Мне будет удобнее после работы и до неё заезжать к Свете. Мама сможет готовить для неё.

– Пап, я справлюсь. Тебе действительно будет удобнее в городе и не надо оправдываться. Мне двадцать лет и я взрослая девочка.

Тридцатого сентября Милана отметила своё двадцатилетие. Отец привёз дедушек и бабушек в пятницу после работы. Руслан и Влад поздравили её звонками, а Тихомиров привёз подарок рано утром в субботу. Гостей было семь человек. Старшее поколение, отец, Олег и Полина.

– Почему не в клубе? – спросила Полина Антонова, которой исполнилось восемнадцать.

– Как ты себе представляешь моих пенсионеров в молодёжной тусовке? – смеялась Милана. – Ты можешь сама продолжить вечер в клубе.

– У тебя с Олегом серьёзные отношения? – поинтересовалась Полина.

– Ты не о том думаешь, подруга. Вот, где сейчас Егор со своими отношениями? Мы с ним два года дружили. Рано об этом говорить. Мы знакомы меньше двух месяцев.

– А если я его у тебя отобью? – спросила Полина серьёзно. – Он мне нравится, и совсем не похож на моих малолетних друзей.

– О чём тогда вообще речь? Олег мужчина интересный, с этим я согласна, но не забывай, что он не из твоей тусовки, ему двадцать шесть лет, и чтобы удивить его и обратить на себя внимание, тебе нужно очень постараться, – ответила Милана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.